

© КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ, 2025
УДК 159.9:316.77; 002:004.056

Ганузин В.М., Маскова Г.С., Мозжухина Л.И., Шубина Е.В.

Кибербуллинг среди подростков

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России, 150000, Ярославль, Россия

Резюме

Кибербуллинг (КБ) — отдельное направление травли среди подростков, определяемое как преднамеренные агрессивные действия, систематически осуществляемые группой или конкретным лицом с использованием электронных форм взаимодействия и направленные против жертвы, которая не может себя защитить.

Цель работы — определить распространённость КБ среди подростков и оценить влияние запугивания на поведение и состояние здоровья детей. В обзоре были использованы базы данных РИНЦ, PubMed, Google Scholar.

Изучены распространённость и причины, диагностика, клинические проявления и профилактика КБ при использовании электронных устройств с доступом в Интернет. Деструктивное поведение в киберпространстве связывают с чрезмерным самораскрытием в социальных сетях и публикацией провокативного контента, употреблением психоактивных веществ, низким уровнем дружеской поддержки, негативным семейным окружением и виртуальным насилием. Установлена взаимосвязь между КБ со стороны сверстников и детским одиночеством, депрессией, агрессией, склонностью к суициду, дефицитом социальных навыков и импульсивностью поведения подростков.

Ключевые слова: обзор; дети; кибербуллинг; распространённость; причины; клинические проявления; профилактика

Для цитирования: Ганузин В.М., Маскова Г.С., Мозжухина Л.И., Шубина Е.В. Кибербуллинг среди подростков. *Российский педиатрический журнал*. 2025; 28(1): 79-84. <https://doi.org/10.46563/1560-9561-2025-28-1-79-84>
<https://elibrary.ru/hzncid>

Для корреспонденции: Ганузин Валерий Михайлович, канд. мед. наук, доцент каф. педиатрии ИНПО ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России, vganuzin@rambler.ru

Участие авторов: Ганузин В.М. — концепция и дизайн исследования, написание текста; Маскова Г.С. — подготовка материала и написание текста; Шубина Е.В. — сбор и обработка материала; Мозжухина Л.И. — редактирование текста. Все соавторы — утверждение окончательного варианта статьи, ответственность за целостность всех частей статьи.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила 20.12.2024
Принята к печати 30.01.2025
Опубликована 28.02.2025

Valery M. Ganuzin, Galina S. Maskova, Lidiya I. Mozhukhina, Elena V. Shubina

Cyberbullying among teenagers

Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, 150000, Russian Federation

Summary

Cyberbullying (electronic bullying) is a separate area of bullying among teenagers, defined as deliberate aggressive actions systematically carried out by a group or a specific person using electronic forms of interaction and directed against a victim who cannot defend himself.

The aim of the study is to determine the prevalence of cyberbullying among adolescents and assess the impact of bullying on children's behaviour and health.

The following databases were used in the review: RSCI, PubMed, Google Scholar. The prevalence and causes, diagnosis, clinical manifestations, and prevention of cyberbullying when using electronic devices with Internet access have been established. Destructive behaviour in cyberspace is associated with excessive self-disclosure on social networks and the publication of provocative content, substance use, low levels of friendly support, adverse family environment, and virtual violence. The relationship between cyberbullying by peers and childhood loneliness, depression, aggression, suicidal tendencies, lack of social skills, and impulsive behaviour of adolescents has been established.

Keywords: review; children; cyberbullying; prevalence; causes; clinical manifestations; prevention

For citation: Ganuzin V.M., Maskova G.S., Mozhukhina L.I., Shubina E.V. Cyberbullying among teenagers. *Rossiyskiy pediatricheskiy zhurnal (Russian Pediatric Journal)*. 2025; 28(1): 79–84. (In Russian). <https://doi.org/10.46563/1560-9561-2025-28-1-79-84> <https://elibrary.ru/hzncid>

For correspondence: Valery M. Ganuzin, Ph.D. sciences, associate prof. of the Pediatrics department, Yaroslavl State Medical University, vganuzin@rambler.ru

Contribution: Ganuzin V.M. — concept and design of the study; collection, preparation of material and writing the text; Maskova G.S. — preparation of material and writing the text; Mozhukhina L.I. — editing the text; Shubina E.V. — collection and processing of material. All co-authors — approval of the final version of the article, responsibility for the integrity of all parts of the article.

Information about the authors:

Ganuzin V.M., <https://orcid.org/0000-0002-7436-6182>

Maskova G.S., <https://orcid.org/0000-0002-8336-7750>

Mozhukhina L.I., <https://orcid.org/0000-0003-2153-8662>

Shubina E.V., <https://orcid.org/0000-0002-4778-5859>

Acknowledgment. The study had no sponsorship.

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Received: December 20, 2024
Accepted: January 30, 2025
Published: February 28, 2025

Введение

Использование электронных устройств с доступом в Интернет быстро увеличилось за последние годы. С этим связана выраженная виктимизация интернет-пользователей от кибербуллинга (КБ) [1–8]. КБ определяют как отдельное направление травли или запугивания подростков, преднамеренные агрессивные действия, систематически осуществляемые группой или конкретным лицом с использованием электронных форм взаимодействия и направленные против жертвы, которая не может себя защитить [6, 7, 9]. Установлено, что около 20% детей в возрасте 10–15 лет подвергались онлайн-травле [3]. При обследовании в Красноярске 692 учащихся общеобразовательных школ в возрасте 11–17 лет на вовлечение их в КБ было показано, что распространённость КБ составила 25,7% (33,5% — мальчики; 18,9% — девочки). Кроме того, КБ часто сочетался с традиционным буллингом и в сумме составил 43,1% [6]. Аналогичные процессы распространяются на всю Европу и Азию, о чём свидетельствуют исследования, проведённые в 13 странах [7]. Развивающийся мир электронных технологий, социальных сетей и их широкое внедрение в повседневную жизнь подростков создают альтернативную социальную среду, в которой молодые люди вступают в отношения. В Норвегии подростки проводили в среднем 4–6 ч в день в Интернете в 2022 г., что вдвое больше, чем в 2015 г. [8]. Установлено, что хотя бы раз в своей жизни подвергались КБ 70,9% опрошенных, из них 6,6% — респонденты в возрасте 16–18 лет, 89,2% — в возрасте 18–29 лет, 4,2% — в возрасте 30–39 лет. Преимущественно жертвами КБ были лица женского пола — 63,8% кибержертв.

В России чаще всего КБ происходил в социальных сетях ВКонтакте (80%) и Instagram¹ (16,9%) [9]. Было выявлено, что чаще всего общаются в сети друзья (82,9%), одноклассники (53,2%), родители или опекуны (51,3%). В целом, 3,7% детей сталкивались с КБ в какой-то момент своей жизни. При этом за последний год 19,2% детей общались или обменивались сообщениями в сети с кем-то, с кем они никогда не встречались лично. Кроме того, 4,4% детей в возрасте 10–15 лет встречались лично с кем-то, с кем они общались только в сети за последний год, причём мальчики с большей вероятностью встречались лично с кем-то, чем девочки. В 2023 г. из 1 544 000 обследованных детей в возрасте 10–15 лет 34,9% подверглись физическому издевательствам, а 19,1% — КБ. Распространённость случаев травли в Интернете была значительно выше среди девочек ($n = 486\ 000$; 22,5%), чем среди мальчиков ($n = 361\ 000$; 16,0%) [7–9].

Раскрытие опыта кибервиктимизации является важным первым шагом во многих антибуллинговых вмешательствах. Виктимизация (лат. *victima* — жертва) — процесс или конечный результат превращения в жертву преступного посягательства лица или группы лиц. Установлена зависимость пола, возраста, опыта кибервиктимизации, кибербуллингового поведения и времени, проведённого в сети [3, 4]. Подростки часто сталкиваются со значительным риском эмоционального, физического

и психологического вреда в результате травли и КБ. Поэтому при обследовании подростков необходимо оценивать ситуативные и индивидуальные факторы, способствующие риску виктимизации.

В Южной Австралии среди подростков были изучены факторы риска, связанные с виктимизацией КБ, через структуру повседневной деятельности с контролем вербальной, социальной и физической травли. При этом были определены различия в факторах риска КБ относительно частоты, с которой ребёнок общался, а также роль школьной поддержки со стороны сверстников и взрослых в повышении рисков КБ и виктимизации [10].

Анализ данных обследования здоровья школьников в Таиланде показал, что 15% обследованных подвергались КБ за последние 12 мес, а 20% сообщили, что подвергались КБ на территории школы за последние 12 мес. Распространённость КБ составила 13,3% и была выше среди юношей, чем среди их сверстниц-девушек. Жертвы КБ часто чувствовали одиночество, у них возникали мысли о самоубийстве [11, 12].

Анализ результатов обследования подростков в Норвегии свидетельствует о взаимосвязи КБ с правонарушениями и виктимизацией среди подростков [12].

В работе, проведённой среди девочек-подростков, посещающих средние школы в Непале, было показано, что существует связь между распространённостью КБ и депрессией, тревогой и стрессом [13]. Распространённость депрессии, тревожности и стресса составила 46,5, 52,7 и 34,9% соответственно. Было отмечено, что у жертв КБ были повышены шансы испытать депрессию, тревожность и стресс по сравнению с лицами, не являющимися жертвами [14, 15].

Анкетирование 13 258 учащихся школ южного Китая выявило основные предикторы становления жертвы КБ: принадлежность к мужскому полу, наличие обоих родителей, работающих вне дома, периодические или крупные конфликты между членами семьи, наказания и жестокое обращение с детьми, постоянное или частое использование веб-сайтов, наслаждение одиночными или многопользовательскими играми, курение и употребление спиртных напитков в одиночку ребёнком [16].

Авторы исследования, проведённого в Нигерии, пришли к выводу о том, что возраст и пол значительно коррелируют с КБ среди учеников старших классов, в то время как зависимость от социальных сетей не имела значимой корреляции с КБ [17].

Причины кибербуллинга

Деструктивное поведение подростков в киберпространстве связывают с чрезмерным самораскрытием в социальных сетях и публикацией откровенного или провокативного контента, повышенным употреблением психоактивных веществ, низким уровнем дружеской поддержки, негативным семейным окружением и сексуальным насилием. Одной из основных концепций, лежащих в основе КБ, является эффект токсической расторможенности подростка в сети: знание о том, что анонимность, обеспечиваемая интернетом, позволяет человеку действовать без ограничений, подразумевает снижение беспокойства о собственной репутации.

¹Запрещённая в России социальная сеть компании «Meta».

Выделяют три основные причины совершения КБ:

- преступник не причиняет вреда своей жертве лично и поэтому не осознает последствий своего вредоносного поведения;
- КБ становится всё более частым, что делает его более социально приемлемым для совершения, и преступник ошибочно полагает, что у него больше конфиденциальности;
- анонимность при онлайн-буллинге по сравнению с личной травлей [18].

КБ может являться продолжением буллинга в офлайн, который начался в школе и продолжился в интернете. Преступник в интернете не осознает последствий своего поведения в сети. При этом выявлена взаимосвязь между КБ, кибервиктимизацией и одиночеством среди обследованных подростков [19].

Ранее было показано, что КБ связан с плохим психическим здоровьем подростков. Это вызывает растущую обеспокоенность, поскольку доступ подростков к интернету непрерывно увеличивается. Причём высокий уровень КБ связан с высоким уровнем депрессии. Кроме того, более низкая совладающая самоэффективность была напрямую связана с высоким уровнем депрессии [19].

Девочки школьного возраста являются традиционными жертвами травли и постоянными пользователями интернета и с большей вероятностью подвергаются КБ. Нерегулируемая школьная среда и неблагоприятные родительские отношения также связаны с повышенным КБ. Недавно выявлено, что КБ среди школьников непосредственно связан с негативными психологическими установками, низкой успеваемостью в школе и неадаптивным поведением совладания [20].

Исследование, проведённое среди подростков Эквадора и направленное на выявление связи между виктимизацией издевательств и виктимизацией КБ и трудностями эмоциональной регуляции, выявило гендерные различия в виктимизации издевательств, которые были более частыми у мальчиков по сравнению с девочками. Установлены умеренные корреляции между виктимизацией издевательств, виктимизацией КБ и трудностями эмоциональной регуляции у подростков [21]. Родительское посредничество может быть фактором риска или защитой для этого явления в зависимости от стратегии, выбранной родителями [22].

Предикторы кибербуллинга

Значимым предиктором КБ является уровень самооценки детей и подростков. Принято считать, что совершение преступления можно предсказать по уровню самооценки и эмпатии человека, а виктимизация от КБ может быть предсказана по степени ощущаемого одиночества и предыдущей истории издевательств в реальной жизни. Кроме того, очевидцы (наблюдатели и очевидцы) КБ могут влиять на показатели его распространённости.

Существуют три основных типа очевидцев травли: подкрепитель, защитник и пассивный очевидец. При этом реакция пассивности или отсутствие реакции на очевидцев травли является одной из самых распространённых форм поведения, демонстрируемых онлайн-очевидцами [23, 24].

Повышение эффективности программ вмешательства и профилактики КБ требует также внимания к мно-

гогранным областям школьной жизни и адаптации программ к возрастным особенностям детей [25]. При анализе связи одиночества с травлей в школе и в интернете среди 11–15-летних детей установлено, что распространённость сообщений об одиночестве среди подростков составила 9%, а 4,8% заявили о том, что подвергались КБ. Обнаружена сильная связь между одиночеством и травлей в школе и КБ [26].

Подростки, которые являются одновременно жертвами и виновниками кибербуллинга

Увеличение доли Интернета и социальных сетей как коммуникационных платформ способствует значимому повышению частоты случаев КБ. Тенденция превращения жертв КБ в хулиганов представляет тревожную тенденцию и заслуживает внимания. Примечательно, что подростки, которые были одновременно и преступниками, и объектами КБ, т. е. хулиганами-жертвами, имели самые неблагоприятные показатели здоровья, включая ухудшение психологического и физического здоровья. В частности, эти подростки сообщили о более высоком уровне депрессии, употреблении психоактивных веществ и проблемах с поведением по сравнению со своими сверстниками, которые были либо только жертвами, либо преступниками [27].

Причины неразглашения фактов кибербуллинга

Раскрытие опыта кибервиктимизации является важным первым шагом во многих антибуллинговых вмешательствах. Выявлено, что более 88% респондентов могут раскрыть кибервиктимизацию. Девочки и те мальчики, которые испытывали низкий уровень кибервиктимизации, сообщили, что они раскроют кибервиктимизацию. Подростки старшей возрастной группы сообщили, что они думали, что после раскрытия кибервиктимизации будут полезны друзья, тогда как те, кто был младше, сообщили, что будут полезны родители и полиция. Самой частой причиной нераскрытия КБ было то, что участники хотели бы самостоятельно справиться с ситуацией. Реже — стеснение рассказывать людям, что тебя запугивают, и опасение, что «задира убьёт тебя, как стукача»; беспокойство о том, что подумают сверстники; страх, что раскрытие усугубит ситуацию, и убеждение, что другие не помогут [4].

Последствия кибербуллинга

Подростки, подвергающиеся КБ, сообщают о повышенном депрессивном аффекте, тревожности, одиночестве, суицидальном поведении и соматических симптомах. Виновные в КБ с большей вероятностью сообщают о повышенном употреблении психоактивных веществ, агрессии и правонарушениях. Имеется связь между вовлечённостью в КБ и склонностью подростков к интернализации своих проблем (например, развитие негативных аффективных расстройств, одиночества, тревожности, депрессии, суицидальных мыслей и соматических симптомов). Примечательно, что 93% кибержертв сообщили о негативных последствиях, причём большинство жертв — о чувствах грусти, безнадежности и бессилия [28]. Выявлено, что подростки, совершающие КБ, с большей вероятностью демонстрируют проблемное поведение, включая высокий уровень проактивной и ре-

активной агрессии, порчу имущества, противоправные действия, употребление наркотиков, правонарушения и суицидальное поведение. КБ имеет прямую положительную связь с гиперактивностью, агрессией в отношениях, проблемами с поведением, курением и пьянством. КБ также связан с негативными эмоциями подростков, такими как гнев, грусть, разочарование, страх и смущение, а также с более низким уровнем эмпатии. Имущественная преступность в информационном пространстве как одна из разновидностей киберпреступности, обладает высокой степенью общественной опасности для значительной доли пользователей информационных технологий и информационных ресурсов, включая несовершеннолетних [11, 29].

Кибербуллинг и суицидальное поведение

Подростки всё чаще вовлекаются в визуально насыщенные платформы социальных сетей, что может привести к вовлечению их в визуальную кибервиктимизацию, т. е. нежелательный обмен личными визуальными изображениями, что приводит к негативным последствиям для психического здоровья. Анализ связей между использованием социальных сетей и суицидальными мыслями среди ранних подростков с акцентом на посредническую роль визуальной кибервиктимизации и интернализирующих симптомов показал, что существуют значимые связи между возросшим использованием социальных сетей и как прямым участием, так и опытом стороннего свидетеля визуальной кибервиктимизации. Участие в визуальных кибербуллинговых событиях в качестве жертвы или стороннего наблюдателя в значительной степени связано с высоким уровнем интернализации симптомов и более сильными суицидальными мыслями [29].

Установлена связь между КБ, родительским отношением, самоповреждением и суицидальным поведением среди подростков [30]. Чем больше подростки вовлечены в КБ, тем больше вероятность того, что у них будет выражено суицидальное поведение; эта связь была сильнее для жертв, чем для преступников в КБ [28]. Существует также связь между курением, одиночеством, суицидом и кибериздевательствами [31, 32]. Предполагается, что отсутствие доверия к своим учителям и чувство небезопасности в школьной среде связаны с проблемами психического здоровья, риском стать жертвой традиционной травли и КБ, а также психосоматическими проблемами: болями в животе, головными болями и проблемами со сном [32]. Долгосрочные последствия нарушения сна у подростков влияют на психосоциальное здоровье, успеваемость в школе и рискованное поведение. Кроме того, нарушения сна приводят к таким состояниям, как артериальная гипертензия, дислипидемия, сердечно-сосудистые заболевания, увеличение массы тела, метаболический синдром, сахарный диабет 2-го типа [33].

Виктимизация и экстернализация подростков после кибербуллинга

Последствия КБ связаны с виктимизацией и экстернализацией подростков [34]. Подростки в США, подвергавшиеся преследованиям в интернете, чаще употребляли алкоголь, наркотики и носили оружие в школу. Фактически, жертвы насилия в 8 раз чаще, чем их свер-

стники, носили оружие в школе. А жертвы КБ в 2,5 раза чаще употребляли марихуану и участвовали в пьянстве, по сравнению со своими сверстниками. Это свидетельствует о тесной связи между уровнем запугивания и возросшим употреблением наркотиков [35].

Социальная поддержка жертв кибербуллинга

Самая трудная и сложная работа с подростками и их семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации, проводится на базе отделений медико-социальной помощи детских поликлиник. Кроме педиатра и психолога, с детьми и родителями работают специалисты различных служб, которые реализуют межведомственные медико-психологические и социальные программы [36]. В отделении медико-социальной помощи проводится индивидуальная, групповая и коллективная санитарно-просветительная работа, пропаганда мер профилактики, направленных на формирование здорового образа жизни и ориентирующих молодых людей и их родителей на осознание вреда саморазрушающих форм поведения для здоровья и развития [36]. Различные формы социальной поддержки могут снизить воздействие традиционных форм виктимизации на психологическое благополучие и здоровье подростков [37–39]. Опосредующее и смягчающее воздействие социальной поддержки и школьного климата также влияет на связь между кибервиктимизацией и симптомами интернализации подростков [40].

Профилактика кибербуллинга

Профилактика кибербуллинга требует значительных эффективных усилий. Это преимущественно комплексные профилактические мероприятия, которые направлены на повышение эмпатии и самооценки подростков, уменьшение проявлений проблемного поведения подростков, поощрение тёплых, заботливых отношений с родителями и сокращение времени, проводимого подростками в интернете. Специалисты в области здравоохранения и педагоги должны работать над тем, чтобы помочь подросткам и их родителям установить такие отношения, которые включают в себя пристальное наблюдение за подростками со стороны взрослых [41]. Установлена отрицательная связь между КБ и чувством неизбежности наказания со стороны властей. Восприятие строгости наказания снижает склонность к КБ [42].

Вмешательства опытных очевидцев, которые обучают случайных очевидцев позитивному вмешательству, могут предотвратить КБ с помощью школьных профилактических программ для поощрения позитивного поведения подростков. В связи с этим необходимо создание целевых профилактических программ, которые сосредотачивают жизненный опыт учеников средних школ, связанный с КБ, и их предпочтения в обучении и использовании позитивных стратегий очевидцев [43]. Апробирована и рекомендована программа для эффективной борьбы с новыми формами травли. С использованием многогрупповой двумерной модели оценки скрытых изменений поведения подростков, виктимизации и возраста получены данные, демонстрирующие эффективность программы для КБ и кибервиктимизации, свидетельствующие о том, что эти формы поведения подростков отражают системную школьную проблему [44].

Быстрое распространение онлайн-образования усилило обеспокоенность по поводу КБ в виртуальных классах. Специалисты рекомендуют комплексный подход в обнаружении КБ путём анализа вовлечённости и эмоциональных реакций учащихся в онлайн-классах. Из-за низкого разрешения видекамеры и окружающего освещения в онлайн-классах выражения лиц учащихся часто размыты, а изменения черт лица могут быть незначительными. Для предотвращения КБ и вовлечённости подростков в онлайн-классах предлагается методика, построенная на основе распознавания выражений лиц с использованием улучшенной версии YOLOv5 (You only look once v. 5). Этот метод позволяет уменьшить вовлечённость подростков в КБ, предлагая превентивную стратегию для снижения КБ в виртуальных учебных средах [45, 46]. При этом использование искусственного интеллекта и усиленной нейронной сети в социальных сетях образовательных учреждений уменьшает уровень КБ. Модерация контента с использованием искусственного интеллекта стала значимым инструментом для управления и курирования пользовательского контента на цифровых платформах. Её цель — установить баланс между необходимостью безопасности с защитой конфиденциальности и свободой слова. Это необходимо для поддержания безопасной онлайн-среды и предотвращения распространения вредного контента, такого как разжигание ненависти, дезинформация и киберпреступность. Особое внимание уделяется целевым программам вмешательства против КБ, которые показали значительное улучшение социального функционирования подростков, что способствовало повышению качества их жизни [47].

Заключение

Разработка и внедрение в учебные заведения комплексных программ по профилактике, своевременной реабилитации жертв КБ может способствовать уменьшению его распространения среди подростков. Необходимо усиление правовых мер по защите несовершеннолетних в цифровом пространстве и внедрение профилактических программ по кибербезопасности в школах с использованием искусственного интеллекта.

Литература

(п.п. 1; 3–5; 7; 8; 10–25; 27–31; 34; 35; 37–47 см. References)

- Ганузин В.М. Влияние психотравмирующих факторов в детском и подростковом возрасте на их жизненную парадигму. *Практическая медицина*. 2021; 19(6): 26–31. <https://doi.org/10.32000/2072-1757-2021-6-26-31> <https://elibrary.ru/zshypr>
- Семёнова Н.Б. Буллинг и кибербуллинг в подростковом возрасте: распространённость, методы запугивания, ролевое поведение участников. *Здравоохранение Российской Федерации*. 2023; 67(4): 313–9. <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2023-67-4-313-319> <https://elibrary.ru/serwkm>
- Бочкарева Е.В., Стренин Д.А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга. *Всероссийский криминологический журнал*. 2021; 15(1): 91–7. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(1\).91-97](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(1).91-97) <https://elibrary.ru/zzghlr>
- Кабанов П.А. Криминальная виктимность несовершеннолетних от имущественной киберпреступности: анализ статистических показателей и перспективы формирования ювенальной кибervикимологии. *Виктимология*. 2024; 11(3): 359–66. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2024-11-3-359-366> <https://elibrary.ru/jqgrxe>
- Ганузин В.М., Маскова Г.С., Мозжухина Л.И., Мавренкова Е.А. Сон и его особенности у детей и подростков. *Вопросы психического здоровья детей и подростков*. 2024; 24(3): 110–9. <https://elibrary.ru/ldwywl>
- Тихоновский П.А., Кожевникова О.В., Блажиевская Т.О., Кустова Е.А. Нарушения сна как триггер сердечно-сосудистой патологии. *Российский педиатрический журнал*. 2024; 27(6): 446–51. <https://doi.org/10.46563/1560-9561-2024-27-6-446-451> <https://elibrary.ru/mnqghbc>
- Ганузин В.М., Романычева Е.Н., Курчина Е.Г. Деятельность отделения медико-социальной помощи поликлиники по лечению и лечению детей и подростков из семей, находящихся в трудовой жизненной ситуации. *Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья*. 2016; (2): 36–8. <https://elibrary.ru/wibqpl>
- Williams T.J.V., Tzani K., Gavin H., Ioannou M. Politics versus reality: Comparing social media site policies and user experiences in the context of exposure to extremist content. *Behav. Sci. Terrorism Polit. Aggress*. 2023; 17(1): 110–27. <https://doi.org/10.1080/19434472.2023.2195466>
- Ganuzin V.M. The influence of psychotraumatic factors in childhood and adolescence on their life paradigm. *Prakticheskaya meditsina*. 2021; 19(6): 26–31. <https://doi.org/10.32000/2072-1757-2021-6-26-31> <https://elibrary.ru/zshypr> (in Russian)
- Peck H.C., Tsani K., Lester D., Williams T.J.W. The impact of global crises on victimization rates. *J. School Violence*. 2023; 23(1): 111–23. <https://doi.org/10.1080/15388220.2023.2278473>
- Betts L.R., Spencer K.A., Baguley T. Describing cybervictimization disclosure among UK adolescents: The role of age, gender, cyberbullying involvement, and time spent online. *J. Genet. Psychol.* 2021; 183(1): 40–53. <https://doi.org/10.1080/00221325.2021.2001413>
- Trompeter N., Jackson E., Sheanoda V., Luo A., Allison K., Bussey K. Prevalence of cyberbullying among Australian adolescents: Time trends 2015–2020. *J. School Violence*. 2022; 21(3): 252–65. <https://doi.org/10.1080/15388220.2022.2075881>
- Semenova N.B. Bullying and cyberbullying in adolescent environment: prevalence, methods of intimidation, role-player behavior. *Zdravookhranenie Rossiyskoy Federatsii*. 2023; 67(4): 313–9. <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2023-67-4-313-319> <https://elibrary.ru/serwkm> (in Russian)
- Chudal R., Tiiri E., Klomek A.B., Ong S.H., Fossum S., Kaneko H., et al. Bullying, cyberbullying, and their combination victimization among adolescents in 13 European and Asian countries. *Eur. Child Adolesc. Psychiatry*. 2021; 31(9): 1391–404. <https://doi.org/10.1007/s00787-021-01779-6>
- Bonsaksen T., Kleppang A.L., Steigen A.M. Cyberbullying among adolescents in Norway: changes over time and factors associated with delinquency and victimization. *Behav. Sci. (Basel)*. 2024; 14(11): 1043. <https://doi.org/10.3390/bs14111043>
- Bochkareva E.V., Strenin D.A. Theoretical and legal aspects of cyberbullying. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*. 2021; 15(1): 91–7. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15\(1\).91-97](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(1).91-97) <https://elibrary.ru/zzghlr> (in Russian)
- Malinski R., Holt T.J., Keil J., Brewer R., Goldsmith A. Applying routine activity theory to assess online and offline bullying among Australian youth. *J. School Violence*. 2022; 22(1): 1–13. <https://doi.org/10.1080/15388220.2022.2119570>
- Whitehouse C., Olutola B. Cyberbullying among school-going adolescents. What are the associated factors? *J. Psychol. Res. Adolesc. Youth*. 2024; 11(5): 132–43. <https://doi.org/10.61838/kman.jayps.5.11.16>
- Mokhtar B. The child as a victim of the digital environment. *J. Law Sustain. Dev*. 2024; 12(10): e4085. <https://doi.org/10.55908/sdgs.v12i10.4085>
- Khadka S., Limbu A., Chalis A., Pandey S., Paudhe S. Cyberbullying victimization and its association with depression, anxiety, and stress among adolescent girls in Deumai Municipality, Nepal: a cross-sectional study. *BMJ*. 2024; 14(10): 81797. <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2023-081797>
- Ma J., Su L., Li M., Sheng J. Analysis of the prevalence and related factors of cyberbullying victimization among adolescents. *Children*. 2024; 11(10): 1193. <https://doi.org/10.3390/children11101193>

15. Okoka H., Kheswa J.G. Uncovering cyberbullying: the impact of age, gender, and social media addiction. *Nurture*. 2024; 18(4): 807–15. <https://doi.org/10.55951/nurture.v18i4.860>
16. Sarmiento A., Herrera-Lopez M., Zyk I. Is cyberbullying a group process? Online and offline bystanders of cyberbullying act as defenders, reinforcers and outsiders. *Comput. Hum. Behav.* 2019; 99: 328–34. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.05.037>
17. Sahin M. The relationship between cyberbullying/cybervictimization and loneliness among adolescents. *Child. Young People's Serv. Rev.* 2012; 34(4): 834–7. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2012.01.010>
18. Sheanoda V., Bassi K. Victims of cyberbullying: exploring social cognitive processes associated with cyberbullying victimization. *J. School Violence*. 2021; 20(4): 567–80. <https://doi.org/10.1080/15388220.2021.1984933>
19. Pino-Falconi M., Moreta-Herrera R. The relationship between bullying and cyberbullying victimization and difficulties of regulation among adolescents in Ecuador. *Revista de Psychologia*. 2024; 14(1): 181–99. <https://doi.org/10.36901/vyrg2q06>
20. Bassi K., Fitzpatrick S., Raman A. The role of moral disengagement and self-efficacy in cyberbullying. *J. School Violence*. 2014; 14(1): 30–46. <https://doi.org/10.1080/15388220.2014.954045>
21. Marinoni C., Trombetta T., Negri R., Zanetti M. The role of parental mediation in cybervictimization among adolescents: a systematic review. *Int. J. Bullying Prev.* 2024. <https://doi.org/10.1007/s42380-024-00270-5>
22. Guo S., Liu J., Wang J. The roles of cyberbullying among adolescents: a social ecological theory perspective. *J. School Violence*. 2021; 20(2): 167–81. <https://doi.org/10.1080/15388220.2020.1862674>
23. Madsen C.R., Damsgaard M.T., Petersen K., Qualter P., Holstein B.E. School bullying, cyberbullying, and loneliness: a nationally representative study of adolescents in Denmark. *Int. J. Environ. Res. Public Health*. 2024; 21(4): 414. <https://doi.org/10.3390/ijerph21040414>
24. Barak A., Hen L., Boniel-Nissim M., Shapira N. A comprehensive review and a meta-analysis of the effectiveness of internet-based psychotherapeutic interventions. *J. Technol. Hum. Serv.* 2008; 26(2–4): 109–60. <https://doi.org/10.1080/15228830802094429>
25. Nixon C.L. Current perspectives: the impact of cyberbullying on adolescent health. *Adolesc. Health Med. Ther.* 2014; 5: 143–58. <https://doi.org/10.2147/AHMT.S36456>
26. Kabanov P.A. Criminal victimization of minors from property cybercrime: analysis of statistical indicators and prospects for the formation of juvenile cybervictimology. *Viktinologiya*. 2024; 11(3): 359–66. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2024-11-3-359-366> <https://elibrary.ru/jxqrxr> (in Russian)
27. Marengo D., Settanni M., Mastrocucchi S. Social changes as a result of complication in adolescence due to cyberbullying and internalizing symptoms. *Int. J. Bullying Prev.* 2024. <https://doi.org/10.1007/s42380-024-00269-y>
28. Nguyen H.T.L., Nakamura K., Seino K., Vo V.T. Associations between cyberbullying, parental attitudes, self-harm, and suicidal behavior among adolescents: results from a school-based survey in Vietnam. *BMC Public Health*. 2020; 20(1): 476. <https://doi.org/10.1186/s12889-020-08500-3>
29. Kaiser S., Kyrrestad H., Fossum S. Help-seeking behavior in Norwegian adolescents: the role of bullying and cyberbullying victimization in a cross-sectional study. *Scand. J. Child Adolesc. Psychiatr. Psychol.* 2020; 8: 81–90. <https://doi.org/10.21307/sjcap-2020-008>
30. Fossum S., Skokauskas N., Handegård B.H., Hansen K.L., Kyrrestad H. The importance of traditional bullying, cyberbullying and mental health problems for secondary school students who feel unsafe in the school environment. *Scand. J. Educ. Res.* 2021; 67(2): 281–93. <https://doi.org/10.1080/00313831.2021.200630>
31. Sampasa-Kanyinga H., Lien A., Hamilton H.A., Chaput J.P. Cyberbullying involvement and insufficient sleep duration among adolescents. *Sleep Health*. 2022; 8(2): 183–90. <https://doi.org/10.1016/j.sleh.2021.11.009>
32. Ganuzin V.M., Maskova G.S., Mozzhukhina L.I., Mavrenkova E.A. Sleep and its features in children and adolescents. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detey i podrostkov*. 2024; 24(3): 110–9. <https://elibrary.ru/ldwywl> (in Russian)
33. Tikhonovskiy P.A., Kozevnikova O.V., Blazhievskaya T.O., Kustova E.A. Sleep disorders as a trigger for cardiovascular pathology. *Rossiyskiy pediatricheskiy zhurnal*. 2024; 27(6): 446–51. <https://doi.org/10.46563/1560-9561-2024-27-6-446-451> <https://elibrary.ru/mnghbc> (in Russian)
34. Skilbred-Fjeld S., Reme S.E., Mossige S. Cyberbullying involvement and mental health problems among older adolescents. *Cyberpsychology*. 2020; 14(1): 5. <https://doi.org/10.5817/CP2020-1-5>
35. Holfeld B., Beitz R. Mediating and moderating effects of social support and school climate on the association between cyber victimization and internalizing symptoms. *J. Youth Adolesc.* 2020; 49(11): 2214–28. <https://doi.org/10.1007/s10964-020-01292-0>
36. Ganusin V.M., Romanycheva E.N., Kurchina E.G. Activities of the medical social department of the polyclinic in the prevention and rehabilitation of children and teenagers from families in difficult life situations. *Voprosy shkolnoy i universitetskoy meditsiny i zdoroviya*. 2016; (2): 36–8. <https://elibrary.ru/wibqqj> (in Russian)
37. Tiiri E., Luntamo T., Mishina K., Sillanmäki L., Brunstein K.A., Sourander A. Did bullying victimization decrease after nationwide school-based antibullying program? A time-trend study. *J. Am. Acad. Child Adolesc. Psychiatry*. 2020; 59(4): 531–40. <https://doi.org/10.1016/j.jaac.2019.03.023>
38. Hsieh M.L., Wang S.Y.K., Lin Y. Punishment risk perceptions among youth: Can cyberbullying be prevented? *J. School Violence*. 2023; 22(3): 307–21. <https://doi.org/10.1080/15388220.2023.2183865>
39. Birnesser K., Omer M., Nelson L., Mann E., Farzan R., Schwanke B., et al. Secondary school students' experiences with cyberbullying and perspectives on prevention and intervention by school-based bystanders. *J. School Violence*. 2023; 22(3): 339–52. <https://doi.org/10.1080/15388220.2023.2186417>
40. Greidinger P., Yanagida T., Strohmeier D., Spiel K. Preventing cyberbullying and cybervictimization: An evaluation of the ViSC social competence program. *J. School Violence*. 2014; 14(1): 87–110. <https://doi.org/10.1080/15388220.2014.963231>
41. Wang S., Chen M.X., Ratnavelu K., Shibghatullah A., Keoy K. H. Analysis of students' engagement in online classrooms based on facial expression recognition using enhanced YOLOv5 for cyberbullying prevention. *Meas. Sci. Technol.* 2024; 36(1): 015419. <https://doi.org/10.1088/1361-6501/ad8a80>
42. Cantekin O.F., Ozen U. Examining the relationships between high school students' peer relationships, cyberbullying status and intentions to use social networks via smartphone. *Int. J. Educ. Math. Sci. Technol.* 2024; 12(5): 1376–94. <https://doi.org/10.46328/ijemst.4669>
43. Luo K., Zheng C., Guan Z. Boosted multimodal cyberbullying detection with subgraph neural networks. *Int. J. Mach. Learn. Cybern.* 2024. <https://doi.org/10.1007/s13042-024-02384-0>
44. Masoumi D., Burbur M., Edling S., Gill P. School staff strategies for identifying, dealing with and preventing cyberbullying among Swedish primary school pupils. *Comput. Schools*. 2024; 1–2. <https://doi.org/10.1080/07380569.2024.2416426>
45. Milosevic T., Van Royen K., Davis B. Artificial Intelligence to address cyberbullying, harassment and abuse: new directions in the midst of complexity. *Int. J. Bullying Prev.* 2022; 4(1): 1–5. <https://doi.org/10.1007/s42380-022-00117-x>
46. Hakami H. Automatic classification of mobile apps to ensure safe usage for adolescents. *PLoS One*. 2025; 20(1): e0313953. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0313953>
47. Djenna A., Barka E., Benchikh A., Khadir K. Unmasking cybercrime with artificial-intelligence-driven cybersecurity analytics. *Sensors (Basel)*. 2023; 23(14): 6302. <https://doi.org/10.3390/s23146302>

Сведения об авторах:

Маскова Галина Станиславовна, доктор мед. наук, проф. каф. педиатрии ИНПО, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет», maskovags@mail.ru; **Мозжухина Лидия Ивановна**, доктор мед. наук, проф., зав. каф. педиатрии ИНПО, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет», ml11612@mail.ru; **Шубина Елена Викторовна**, канд. мед. наук, доцент каф. педиатрии ИНПО, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет», evsh.77@yandex.ru